

„Я знал одной лишь думы власть...“

Предо мной программы спектаклей русского драматического театра имени Самеда Вургуна за последние годы: «Весенние скрипки», «Люди в шинелях», «День рождения Терезы», «Мария Стюарт». И в каждой из них — имя Б. М. Левковича. На первых афишах рядом с фамилией стояла маленькая звездочка, которая объясняла зрителю, что роль исполняет сотрудник вспомогательного состава. Потом эта звездочка исчезла. Сотрудник вспомогательного состава стал актером.

...«Мария Стюарт». Пылкий, страстный, несколько даже безумный в своих поступках Мортимер. Мортимер — это большая удача молодого актера, и пусть еще не хватает дыхания и движения недостаточно отточены, пусть образ Мортимера не получил еще должного развития в спектакле — это все придет, обязательно придет на двадцатом, тридцатом спектакле, придет после детальной работы над образом.

Увлечение театром началось со школы. Играл в школьном драмкружке, потом стал заниматься в клубе имени 26 бакинских комиссаров у режиссера Лежнева. Окончив школу в 1959 году, Борис поехал поступать в студию при театре имени Вахтангова, но его постигла неудача; опоздал на конкурсные экзамены. Уезжать из Москвы, не зная что делать дальше, было невозможно, и Борис попросил прослушать его одного из актеров театра. И получил совет: обязательно сдавать экзамены на следующий год. Этот совет был дан с маленькой оговоркой: не работать в театре!

Вернувшись в Баку, Борис Левкович поступил работать слесарем на промысел, но все-таки не выдержал и пришел в театр. И вот — первое выступление.

— Все произошло очень неожиданно, — рассказывает Левкович. — Шел «Маскарад». Я пришел на спектакль и вдруг ока-

залось, что один из актеров заболел. Мне предложили выйти на сцену. Это был первый мой выход.

А теперь вот — Мортимер, роль в одной из лучших трагедий классического репертуара.

Еще летом режиссер Г. Гюльахмедова-Мартынова предложила Борису почитать стихи, а потом на художественном совете его утвердили на эту роль. Играть Мортимера трудно, особенно трудно привыкнуть к костюму, шпага все время мешала...

— Я не представляю, как раньше носили такие камзолы! — говорит Борис. Однако, облачившись в этот костюм, он сейчас же превращается в дерзкого, пылкого шотландского юношу XVI века. Вот сейчас он будет объясняться с английской королевой в парке Фортингея. Это труднейшая картина; я не решилась надоедать Левковичу расспросами и вернулась в зал.

...И вот мы снова разговариваем о театре, о пьесах, о Мортимере. Борис показывает нарисованный им эскиз афиши к спектаклю «Мария Стюарт». В правой части прямоугольного, вытянутого по ширине листа бумаги — надпись: «Мария Стюарт». В левой верхней части черно-белого рисунка у решетчатого окна — темный силуэт Марии. Тяжелые складки ее платья устремляются вниз, и на шлейф, словно перерубая его, опускается секира. Строго, сдержанно, как гравюра.

Увлекается рисованием Борис давно. Его интересуют и художественная фотография, кино. По рисункам Бидструпа он собирается снимать игровой фильм. Любимый его артист — Иннокентий Смоктуновский и еще Евстигнеев в «Голом короле». Борис Левкович собирается поступить на заочное отделение режиссерского факультета ГИТИС.

И все же основное — это театр, театр сегодняшнего дня.

Задаю традиционный вопрос: о каком герое он мечтает? Ответ: о современнике. Таким, как Тима Губасов из пьесы Эдуарда Радзинского «Вам двадцать два, старики!» Он чем-то похож на Тима из кинофильма «Улица Ньютона, дом 1».

— И еще скажу по секрету: очень хочется сыграть Маяковского. Я его люблю как поэта и человека. Как не достает пьесы о нем!

...Я шла из театра под впечатлением разговора с влюбленным в свою профессию человеком.

Т. ВИСЛОВСКАЯ.

31 ЯНВ 1964

„МОЛОДЕЖЬ АЗЕРБАЙДЖАНА“

г. Баку